

Наконец, в 1925 году семья переехала в Сестрорецк. С этого момента Всеволода Боброва неотступно и беззаветно стал оберегать его брат Владимир. Но это не было простой опекой старшего над младшим. Обстоятельства порой складывались так, что Володе приходилось спасать Севу с риском для собственной жизни.

В семье Бобровых как-то само собой установилось положение, при котором Всеволод был любимцем мамы, Володя — папиным сыном, а сестра Антонина, Тося, считалась как бы общей. Всеволод весь пошел в маму: и внешностью и характером — добрый, мягкий, с художественной впечатлительной натурой. Володя отличался отцовским логическим складом ума, подтянутостью, самодисциплиной. А старшая сестра Тося, пропорционально сочетая родительские черты, вдобавок была очень категоричной, принципиальной.

Но лидерство среди детей безусловно и безраздельно принадлежало Володе.

В Сестрорецке у него было прозвище Голова. Спокойный, целеустремленный, очень основательный, Володя хорошо учил-

ся, много читал, и ребята слушались его беспрекословно. Отнюдь не случайно он, и только он, был капитаном всех сестрорецких футбольных и хоккейных команд, в которых приходилось играть братьям Бобровым. Он требовал дисциплины на поле, а также опрятного внешнего вида. Удивительно, в середине тридцатых годов сборная сестрорецкой школы № 2, возглавляемая Владимиром Бобровым, выходила на лед в спортивной форме, элегантности которой могли бы позавидовать современные юные хоккеисты: в гольфах, в белых рубашках и галстучках под зелеными пуловерами.

Как-то само собой получилось, что именно Володя взял на себя роль начальника команды и ее играющего тренера. Он всем точил коньки, помогал мастерить клюшки. Он умел организовать тренировку, а перед календарными матчами на первенство Ленинградской области давал всем хоккеистам наставления по части тактики игры. Сказывалось влияние Михаила Андреевича: именно старшему сыну отец поручал «доведение до юных мозгов» своих взрослых мыслей. В Сестрорецке знали: Володя — «голова», он в хоккее специалист, он все умеет объяснить.

Особенно много внимания Володя уделял младшему брату. Отец с утра до вечера работал и проводил с детьми только выходные. А Володя каждый день играл с маленьким Севой в футбол или в хоккей, обучая его всему, что умел сам. Бобровы жили в старом арсенале петровских времен, переоборудованном в пятиэтажный жилой дом. На глухой торцевой кирпичной стене здания Володя начертил мелом футбольные ворота в натуральную величину и нарисовал в них «девятки» и «шестерки» диаметром с футбольный мяч. Сам Володя, а под его руководством и Сева часами лунили в эти «девятки» и «шестерки», отрабатывая удары. Впоследствии Всеволод Бобров не раз говорил, что без помощи старшего брата не смог бы столь быстро вырасти в спорте.

Сестрорецк двадцатых-тридцатых годов представлял собой своеобразную «высокоразвитую спортивную цивилизацию». В этом небольшом пограничном городке занятия спортом были не забавой и не доблестью, а такой же обязательной повсед-

невпостью, как работа или учеба. Даже новогодние праздники многие, в том числе Бобровы, отмечали здесь не за столом, а на льду — катаясь вокруг нарядной елки в городском саду. Тех, кто не увлекался спортом, презирали, не считали за достойных людей. Здесь были десятки хоккейных и футбольных династий: Викторовы, Бобровы, Шавыгины, Кузьмины, конечно, Худяковы, старший из которых, Лев Худяков, хотя в силу возраста и занятости сам не играл в мяч, однако всемерно содействовал развитию спорта. А возможности для этого у Льва Худякова имелись немалые: он был директором сестрорецкого завода имени Воскова.

Но многое сестрорецкие спортсмены делали своими руками. Например, вместо старой, плохонькой раздевалки построили на стадионе прекрасный спортивный павильон. Распорядиться здесь стали двое: Степа Холоденко, совмещавший обязанности директора, завхоза, а также администратора, и Клавдия — женщина лет двадцати пяти, чью фамилию никто не знал; она жила непосредственно в павильоне и была уборщицей, буфетчицей, кассиром и контролером одновременно.

Степа навел на стадионе железный порядок. Бывший пограничник, раненный при задержании нарушителя, он не просто пользовался среди сестрорецких спортсменов авторитетом, а обладал над ними абсолютной властью, когда дело касалось каких-нибудь земляных, малярных, плотницких и прочих работ, необходимых для поддержания стадиона в идеальном состоянии. Он был грозой, когда он появлялся, все судорожно осматривались: полный ли порядок кругом? При Степе в спортивном павильоне появился даже бильярд. Холоденко был деловым, относительно молчаливым, заботливо пекся о том, чтобы на стадионе могли почаще играть подростки, однако держался с ними по-директорски строго и высокомерно.

Он разговаривал на равных только с Володей Бобровым.

Степа Холоденко уважал его за всегдашнюю аккуратность, культурное обращение и рассудительность. Он понимал, что Володя сильно отличается от тех ребят, которые неважно, с пугугой учились и которых — пусть условно — можно было отнести к категории озорных. Однако эти положительные ка-

чества старшего из Бобровых лишь потому имели ценность в глазах Степы Холоденко, что Володя лучше всех своих сверстников играл в футбол и в хоккей.

Много позже Всеволод Бобров в своей книге «Самый интересный матч» так писал о старшем брате: «Должен сказать, что он и в футбол и в хоккей играл намного лучше меня. Он отличался точными ударами по воротам, комбинационным талантом. Он «выдавал» такие мячи, что не забивать их было просто невозможно. Я не сомневаюсь, что при удачно сложившихся обстоятельствах он стал бы яркой звездой в нашем спорте».

Играть «намного лучше» Всеволода Боброва... Даже трудно представить такого игрока. А между тем оценка младшего брата вряд ли была преувеличенной, она совпадает с другими, как говорится, независимыми мнениями. В 1936 году на стадионе «Красная Заря» — это на Выборгской стороне — после одного из футбольных матчей, в котором принимал участие Владимир Бобров, знаменитый Валентин Федоров, игрок ленинградского «Динамо» и сборной команды РСФСР, человек, обладавший огромным авторитетом в спортивных кругах, во всеуслышание сказал о Володе:

— Когда этот парень подрастет, он будет классным игроком. Очень классным. Намного лучше меня.

Опять — «намного лучше меня».

В те годы, в свои шестнадцать лет, Владимир Бобров был высоким, стройным юношей. По свидетельству очевидцев, он сразу обращал на себя внимание необычайно элегантно, красивой и рациональной манерой игры. Это не было стремлением произвести эффект на публику, а отражало его общий стиль, незаурядность его натуры. Он был виднее, заметнее всех своих сверстников не только на футбольном или хоккейном поле, но и в жизни тоже. Одним из очень немногих сестрорецких ребят он закончил десятилетку почти «на отлично», например, Всеволод, которому учеба давалась труднее, после семилетки пошел учиться в школу ФЗО при заводе имени Воскова. До войны Володя не курил, хотя это баловство было в ту пору повальным среди подростков. С мнением Володи считались не только

отец, но также игроки взрослых команд, среди которых он пользовался таким же авторитетом, как у Степы Холоденко. Еще будучи школьником, Володя смело приходил в завком, чтобы решить спортивные проблемы, умел толково изложить их, и в завкоме к нему относились с большим уважением.

После того как Володю первым из сестрорецких парней пригласили в команду ленинградского «Динамо», никто не сомневался в том, что старшего брата Боброва ждет выдающееся спортивное будущее.

Когда наступала зима, мальчишки начинали хоккейные сражения на «бочаге». Об этой знаменитой сестрорецкой «бочаге», где прошло спортивное детство Всеволода Боброва, написано уже немало. Однако никто не разъяснил смысла этого странного слова. А между тем его происхождение имеет не только познавательную ценность, но также проливает свет на причины одного трагического события, происшедшего на льду «бочаги».

«Бочага» — это чухонское название непроточного озера, образовавшегося на месте прежнего русла реки, старицы. Вода сюда стекает, однако не вытекает: частично испаряется, частично фильтруется через песок. В Сестрорецке «бочагу» иногда использовали для сброса отработанной воды с завода имени Воскова. Хотя это предприятие числилось инструментальным, здесь был большой металлургический цех. Сестрорецкий завод — это старый петровский завод, один из самых первых заводов в России. Но известно: при наличии металлургического цикла водяные сбросы могут быть теплыми. Особенно это сказывалось в начале зимы, когда «бочага» только-только начинала замерзать.

Но юным хоккеистам не терпелось поскорее встать на коньки, они то и дело пробовали лед. И однажды декабрьским вечером 1933 года, убедившись в его прочности, два брата Бобровых и два брата Томилиных первыми из сестрорецких ребят решили открыть хоккейный сезон на «бочаге».

Они не знали, что завод только что произвел очередной

сброс теплой воды. А «бочага» — озерцо непроточное... Неокрепший еще лед подтаял и треснул, каток разбился на отдельные льдины. Четверо мальчишек в ватниках и на коньках провалились в большие полыньи, образовавшиеся на «бочаге».

Первым выбрался Володя. И сразу бросился на помощь младшему брату, который безуспешно, выбиваясь из сил, карабкался на крошившийся лед. Лежа на животе, Володя пытался схватить тонущего, но когда ему наконец удалось вытащить Севу из воды, тот был уже без сознания. В это время на крики о помощи прибежали взрослые и в таком же бессознательном состоянии вытащили из полыньи Володю и Витю Томилиных.

Откачивать ребят стали здесь же, на берегу «бочаги». Томилиных откачать не удалось. А Сева все-таки очнулся, через рот пошла вода, он начал дышать, и его отнесли домой.

На следующий день болезненный, слабенький одиннадцатилетний Севка как ни в чем не бывало бегал по морозцу.

А Володя слег с двусторонним воспалением легких и с воспалением лимфатических узлов. На теле начала слезать кожа. Отец испугался, бросился в Ленинград, привез известного в то время врача Сергея Ивановича Трухина, и тот велел с головы до ног мазать тринадцатилетнего мальчишку какой-то мазью... Всю зиму пролежал в постели старший брат, не остался на второй год в шестом классе лишь потому, что экстерном сдал экзамены. И летом 1934 года тоже не мог заниматься спортом, все еще вынужден был отдыхать, набираться сил: загорал на пляжах Финского залива — всего-то километр от дому. А для футбола здоровья не хватало... Правда, впоследствии у Владимира Боброва легкие никогда не болели. И вообще физически он был очень крепок, закален: в армии по пояс умывался снегом, купался до глубокой осени.

А через несколько лет Владимиру снова пришлось выручать младшего брата из беды.

Среди детских хоккейных матчей, которые проходили в Сестрорецке, не все были официальными: иногда шли длительные, упорные сражения с парнями из соседних поселков и городков. И после одной из таких хоккейных баталий вспыхну-

ла драка. Объектом нападения стал маленький, юркий Севка, который в тот раз доставил соперникам особенно много хлопот своим неудержимым дриблингом. Но добро, если бы дело ограничилось легкой кулачной потасовкой — чего не бывает меж ребят. Однако команда гостей не отличалась такой дисциплинированностью, как сестрорецкие хоккеисты, парни там были разные... Страсти разгорелись, и кто-то ударил Севу по лицу доской с гвоздем. Володя увидел, как младший брат залился кровью, увидел, что один из нападавших достал распротраченный в ту пору финский нож, — и ринулся на защиту.

Ссадина у Севы оказалась пустяковой, хотя до конца жизни он носил между бровей маленький шрам, память о том случае.

А Володю с ножевым ранением доставили в больницу.